

ЖИВОЙ ДОСТОЕВСКИЙ

ОТТОГО ЛИ, что я родился в городе, своим бытием присутствующем почти во всех произведениях Достоевского, по природе ли своего душевного склада, когда на мое юношеское сознание и сердце произвели столь глубокое судьбоносное впечатление огненные образы русского гения, но я принадлежу к миллионам читателей, для которых творчество Достоевского — составная часть их внутренней духовной жизни. Потому мысли, образы писателя побуждали меня как художника вновь и вновь обращаться к нему со студенческой скамьи до сего дня, когда мне выпала честь иллюстрировать «Белые ночи», «Неточку Незванову», «Идиота», а в настоящее время работать над 10-томным «огоньковским» собранием сочинений писателя. Не скрою, высокую гордость и волнение испытывал я в Париже, открывая в здании ЮНЕСКО юбилейную выставку, посвященную памяти великого писателя в связи

с годом памяти Ф. М. Достоевского. Пишу об этом единственно для того, чтобы стало понятно, почему мне так дорого каждое новое непредвзятое обращение к творчеству и личности нашего писателя-мыслителя — в кино ли, живописи, в музыке, театральном ли искусстве, в научных исследованиях или художественной литературе. Отрадно, что в последнее время среди такого рода прикосновений наших современников к Достоевскому все реже встречаются такие, о которых только и можно сказать словами А. С. Пушкина: Нет убедительности в понятиях и нет истины, где нет любви. **ДОСТОЕВСКИЙ** — наш национальный гений, потрясший мир своими откровениями, заставившими его взглянуть и на Россию и на самого себя глазами русского народа. Общезначимая значимость Достоевского — факт неоспоримый. Знаю, сколь нелегко дерзнуть

сказать свое слово в живописи, в музыке и особенно, думаю, в литературе, поскольку здесь держащийся пользуется теми же средствами, которыми владеет сам Достоевский, а потому и каждому нетрудно углубиться всю пропасть, разделяющую подчас сказанное гением от нами сказанного о нем. И то; много ли припомним мы подлинно впечатляющих стихов, скажем, о Пушкине, Лермонтове, Тютчеве, Блоке, Есенине? Не говорю уж о биографических романах. Читаешь их, большей частью удовлетворяя потребность в знании, но чтобы они захватили тебя целиком, переворотили душу, остались бы в сердце надолго, такие биографии, кажется, можно перечислить по пальцам. Но вот среди немалого числа заомнившихся в последние годы интересных, значительных работ, связанных с именем Достоевского, особое впечатление на меня произвела биография писателя, написанная Ю. Селезневым и вышедшая в изда-

тельстве «Молодая гвардия» в широко известной серии «Жизнь замечательных людей». Книга эта, на мой взгляд, достойно увенчала собой год Достоевского, но убежден и в том, что ее значение далеко выходит за рамки юбилейных интересов. Да, книга по-настоящему захватывает, хотя это и не художественный роман: автор не пользуется в нем вымыслами и домыслами. Это и не научное исследование, хотя в книге немало ценных познаний об эпохе Достоевского, о нравственных, философских, социальных, духовных борениях русской жизни прошлого века, кровно связанных в повествовании с тщательно выписанными чертами характера Достоевского, с его бытом, внешней биографией, окружением, творческим миром писателя, историей создания его великих романов и т. д. и т. п. Убежден, что главная ценность этой книги и основная заслуга ее автора не в самих по себе изысканиях, исследова-

тельных открытиях, в привлечении новых, малоизвестных материалов — все это тоже есть, но при чтении как бы уходит на второй план, ясно осознается не в качестве самоцели, но лишь как научно-документальный фундамент, как основание главного строения — воссоздания целостного и, я бы сказал, живого облика и образа великого человека, гениального писателя и пророка. Мне кажется, Ю. Селезнев пошел в создании биографии Достоевского единственно верным путем: почти совершенно устранив себя, во всяком случае, нигде себя не навязывая читателям, он предоставил слово как бы самому Достоевскому. И это при том, что книга написана отнюдь не от лица Достоевского, но мы на протяжении всей книги видим и чувствуем его, слышим его голос, его интонации, хотя автор отнюдь и не стилизует свою речь под Достоевского. Ю. Селезневу удалось, мне кажется, воссоздать главное: стиль мышления своего героя, увидеть мир его глазами. Конечно, перед нами не «объективный» Достоевский, но Достоевский, пропущенный через сердце автора, через его сочувствие, сопонимание, сопереживание и, я бы сказал, сотворчество, — вне этого, знаю по собственному опыту обращения к Достоев-

скому, нельзя рассчитывать на нечто живорожденное, но — в лучшем случае — лишь на мертвенный слепок, своего рода документально достоверную по смертную маску. Маска, снятая даже и с живого человека, — всегда останется только мертвым слепком. С души же и вовсе маску не слепишь. Нужно ощущать живое, трепетное биение сердца, видеть и слышать человека, чтобы через детали внешней, событийной жизни воссоздать внутреннюю биографию духовных, нравственных, творческих борений гения, чтобы создать его портрет (в данном случае — словесный). А перед нами на страницах книги встает образ именно живого человека в его человеческих слабостях, мороках неустроенного быта, любовных и рулеточных страстях, болезнях и сомнениях, в заблуждениях и безудерже, присущих, конечно же, далеко не одному Достоевскому, но — и в неповторимо достоевском величии духа, в гениальных творческих порывах, в откровениях души и мысли, в провидениях мудрого сердца. Мне, как художнику, показались впечатляющими страницы, на которых воссоздается внутренний процесс зарождения творческой мысли Достоевского от соприкосновения с полот-

нами великих мастеров, отчетливых и западных (Рафаэль, Ганс Гольбейн-младший, Клод Лоррен): от первой потресненности души до преобразования в образы уже собственно его, Достоевского, мира. Достоевский и живопись — тема нужная и интересная. Не изменяя правде эпохи, не осовременивая, не интерпретируя в духе новейших идейных, политических, социальных, нравственных интересов смысл духовных исканий, открытий, пророчеств писателя, Ю. Селезнев вместе с тем создал и образ Достоевского — нашего современника, нашего соратника в сегодняшней битве идей, образ нашего вечного спутника с его яростной борьбой за победу добра на земле. Конечно, Достоевский и как писатель-мыслитель, и как личность — неохватен и неисчерпаем, и никто не должен надеяться показать его вполне и в целом. Скажем, в живописи — даже ставший историческим событием портрет работы Перова, написанный по заказу Третьякова, — все-таки не весь Достоевский. Но на этом портрете он живет своей внутренней живой правдой жизни. Живет он и в книге Ю. Селезнева. А это — главное. **Илья ГЛАЗУНОВ**, народный художник СССР.

25 ЯНВ 1982 ИЗВЕСТИЯ г. МОСКВА